

УДК 94(47)

**РУСЬ, БУЛГАРИЯ И ПОЛОВЕЦКАЯ СТЕПЬ
(О ЗНАЧЕНИИ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)**

© 2009 И.А. Гагин

Академия Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, г. Рязань

Поступила в редакцию 11.11.2008

В статье рассматривается важная, но слабо освещенная в российской историографии проблема методов, которыми Древняя Русь пользовалась при заключении договоров со своими восточными соседями. В первую очередь речь идет о половцах и волжских булгарах. Показано на примерах, что самым существенным из методов являлось освидетельствование дружественных соглашений заключением брачного союза между элитами сторон. В свою очередь подчеркивается, что брачный союз был неотъемлемой составляющей норм юридического права раннесредневековых народов. Обосновывается версия, что сам термин “брак” взят из тюркского языка и что первоначально он означал княжеское супружество на представительнице именно кыпчакского народа.

Ключевые слова: брак, супружество, норма права, половцы, кыпчаки, волжские булгары, ясы, аланы, салтово-маяцкая культура, эпитафии.

Отношения Руси со своими восточными соседями никогда не были простыми и однозначными. Столкновение разных мировоззрений и хозяйственных укладов, элементарное непонимание образа жизни друг друга зачастую приводили к трагическим последствиям: горели славянские и болгарские поселения, тысячи людей угонялись в рабство; в ответ пылали половецкие вежи, угонялся скот, тянулись вереницы невольников. Русские летописи, как основной источник по истории этих вопросов, пестрят сценами военных столкновений. Но здесь же мы находим ответы на мучительные вопросы становления если не дружественных, то хотя бы мирных отношений, подтверждением которых были сообщения типа: “Сотвори мирь Святополкъ с Половци, и поя собе жену дщерь Тугорканю, князя Половецкаго”, или: “...иде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ к Аепе и ко друтому Аепе, и створиша мирь; и поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дщерь, Гиргеневу внуку, месяца генваря 12 день”¹.

Проблема роли брачных союзов при заключении политических соглашений в российской историографии изучена недостаточно полно, хотя имеет весьма важное значение для понимания взаимоотношений, сложившихся в X–XII вв.

между Русью и кочевыми народами (в первую очередь половцами), а также волжскими булгарами, создавшими на Средней Волге достаточно сильное для своего времени государство.

Впервые вопрос о значимости брачных союзов как неотъемлемой составляющей норм юридического права раннесредневековых народов был поставлен историком Д.И. Прозоровским. Он доказывал, что нормой обычного права закреплялась обязанность князя при заключении договора вступать в родственные отношения с новоиспеченными союзниками². Поставленный вопрос вскользь затрагивался казанским историком С.М. Шпилевским, который отметил, что рассказ Тверской летописи о болгарской жене Андрея Боголюбского “имеет значение в ряду других доказательств о мирных сношениях Суздальской земли с соседними булгарами”³.

Советские историки, занимающиеся вопросами международной политики Древней Руси, такие как В.Т. Пашуто, А.Н. Сахаров и А.П. Новосельцев, разбору этой проблематики практически не уделили внимания, что с горечью констатировал казахский историк Олмас Сулейманов. Он констатировал, что очень многие термины семейного права в русский язык вошли благодаря тюркскому влиянию, среди них и такие, которые сегодня воспринимаются как исконно русские.

Возьмем для примера такое общепринятое и вполне понятное в своем значении слово “брак”. Если мы обратимся к словарям, то прочитаем примерно следующее: “брак – семейный союз муж-

*Гагин Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории.
E-mail: igagin@yandex.ru*

чины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям”⁴. Согласно Брокгаузу и Эфрону, “брак (брачный союз) — постоянный союз мужчины с женщиной с целью создания семьи и продолжения рода”⁵.

В то же время следует помнить, что понятие это имеет и другое значение. В переводе с немецкого языка брак – товар, оказавшийся негодным или порченным. Одно слово, но какой разный смысл в него вкладывается. Нет никаких сомнений, что в значении “семейного союза” слово это не могло попасть в русский язык с запада. Но в нашей ориентированной на запад культуре оно приобрело какое-то довольно разрушающее значение, что и отразилось в поговорках, типа: “хорошее дело браком не назвали бы”. Здесь четко проявляется отношение к понятию, причем довольно отрицательное. Поэтому остро встает вопрос о его происхождении в том смысле, который для нас является естественным и привычным, хотя и вызывает в народной среде некий скепсис, суть которого в напластовании смыслов.

О происхождении понятия энциклопедии практически ничего не сообщают. Согласно “Википедии” брак, предположительно, берет начало от слова “брат”⁶. В этом есть определенный смысл, так как практически во всех культурах девушка именно забирается в семью мужа путем сговора, выкупа, умыкания или какими-либо другими способами, в зависимости от традиций и обычаев. Поэтому можно сказать, что точка зрения, считающая смыслом брака переход невесты в забравшую ее семью, довольно аргументирована.

Однако у понятия “брак” более глубокий смысл, в древнерусской культуре выходящий за рамки народной среды и связанный в большей степени с миром властвующей элиты. По мнению ученых, занимающихся проблемой взаимодействия Руси с Востоком, слово, обозначающее вступление в супружество, происходит от кипчакского “*birak*” - союз (буквально, “соединение”, “сочетание” от числительного “*bir*” - один)⁷. На Руси только княжеские супружества считались браком, ибо лишь они выражали идею объединения, политического союза, причем с представительницами кыпчаков-половцев. Постепенно, когда политические контакты со степью утрачивают первоначальное значение союза, смысл понятия изменяется. Все меньше князей ездит в степь за невестами. И постепенно забывается первое значение термина брак – “женитьба князя на дочери хана с целью установления тесных политических отношений”⁸. Уже любая свадьба (правда, пока еще в высшем боярском сословии) называется браком. И остается, в конце концов, упрощенный смысл – вступление в супружество.

В современной историографии тема русско-

половецких и русско-булгарских взаимоотношений с точки зрения рассматриваемой проблематики освещена также недостаточно. Автор данного исследования коснулся ее на страницах своей монографии о дипломатии волжских булгар⁹, и в статье, посвященной нормам обычного права при заключении международных политических соглашений¹⁰. Само собой, они не закрыли вопрос. Надеюсь, что представленная работа поможет выявить новые аспекты проблемы и приблизит задачу к логическому разрешению, хотя тема вполне серьезная и заслуживает пристального внимания исследователей.

Практика юридического оформления политических договоров в X–XII вв. повсеместно имела одно и то же содержание. Во многом это связано со спецификой средневековой эпохи, психологией, этносознанием и нравами, господствовавшими в обществе¹¹. По нормам обычного права всех без исключения народов начала второго тысячелетия нашей эры, самым существенным при заключении межплеменных и межгосударственных соглашений считался брачный союз представителей элиты договаривающихся сторон. Раннее средневековье изобилует примерами закрепления договора брачным соглашением, которое должно было подтвердить его незыблемость. С.Д. Сказкин в своем исследовании по дипломатии Византии показывает это на многочисленных примерах¹².

Взаимодействие с кипчакской степью было более активным, чем это можно предположить, исходя из некоторых исследований, благодаря которым сложилось довольно одностороннее впечатление: ничего хорошего, кроме войн и конфронтации, между русскими княжествами и Степью не было. Здесь необходимо иметь в виду тот факт, что в истории русско-половецких отношений можно выделить четыре периода. Первый период - середина XI – начало XII веков - характеризовался активной наступательной политикой половцев. В это время они совершают многочисленные грабительские походы на русские земли, как правило, удачные. Победоносные походы Владимира Мономаха против половцев свидетельствовали о окончании этого периода.

Второй период - 20-е – 60-е гг. XII в. – ознаменовался окончанием процесса освоения половцами южнорусских земель. Если в первый период им была присуща таборная система кочевания, характерная отсутствием у кочевников постоянных вежей, то в первой половине XII века половцы уже занимают определенные территории, на которых находятся их постоянные селища. В это время половцы принимают активное участие в междоусобных войнах русских князей.

Третий период – вторая половина XII в. –

характерен быстрым сближением русских и половцев. Половцы играют постоянную активную роль в политике русских княжеств, русские и половцы предпринимает совместные грабительские набеги, союзнические походы. Путем заключения многочисленных браков устанавливаются родственные связи между русскими князьями и половецкими ханами. Враждебные столкновения, подобные походу Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 году, носят эпизодический характер.

С конца XII в. начинается последний, четвертый период русско-половецких отношений, закончившийся с приходом татаро-монгольских полчищ на Русь. Его отличительной особенностью является почти полное отсутствие военных действий между русскими и половцами. В этот период половцы продолжали активно участвовать в княжеских конфликтах на Руси. Еще более частыми становятся брачные союзы между русскими и половецкими знатными родами¹³.

Практика показала, что мирные договоры с кочевниками - средство краткосрочное и не дающее перспективы стабильных отношений¹⁴. Единственные отношения, святость которых для кочевников была неоспоримой – родственные. Ханы, породнившиеся с русскими князьями, не только прекращали набеги на территории новых родственников, но и обороняли их от других половецких ханов. Кроме этого, князья очень часто использовали кипчакскую родню в спорах друг с другом, натравляя половцев на территории соседей.

Всего лишь несколько летописных примеров супружеских союзов: киевский князь Всеволод Ярославич (сын Ярослава Мудрого), второй женой которого, после смерти греческой принцессы Анны, стала половецкая княжна; Святополк Изяславич (внук Ярослава Мудрого), женившийся на дочери хана Тугоркана; Юрий Всеволодович Долгорукий (внук Ярослава Мудрого), тестем которого был половецкий хан Аепа; Андрей Всеволодович (внук Ярослава Мудрого), женившийся в 1117 г. на внучке знаменитого Тугоркана¹⁵ и т.д.

Половецкие ханы так же часто брали в жены княжеских и боярских дочерей. В летописях неоднократно упоминается хан Кончак, женатый на дочери киевского князя. Юрий Кончакович, сын двух народов, был православным и сыграл немалую роль в налаживании добрососедских отношений между половцами и русскими.

Отношения Волжской Булгарии с Киевской Русью, а после ее дробления с Муромо-Рязанским и Ростово-Суздальским княжествами не всегда были равными, в общем, так же, как и русско-половецкие. Летописцы чаще упоминают о столкновениях, защищая действия русских кня-

зей по отношению к “басурманам” и “безбожным болгарам”. Но за трехсотлетнее сосуществование накоплено немало страниц добрососедских отношений, подтвержденных межгосударственными брачными союзами.

После похода киевского князя Владимира Святославича на волжских болгар в 985 г. был заключен “вечный мир”. “И реша Болгаре,- отмечает летописец, - “толи не будеть межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнеть тонуть”¹⁶. Исследователи приходят к мнению, что договор, как того требовало обычное право, был подтвержден женитьбой Владимира на болгарской княжне. Историк конца XVIII столетия, князь М.М. Щербатов пишет, что сыновья Владимира Борис и Глеб родились от болгарки. Правда, Щербатов считал, что в 985 г. Владимир воевал дунайских болгар и, следовательно, его женой, пятой по счету, стала болгарка не с Волги, т.е. мусульманка, а с Дуная – православная¹⁷. Однако советский ученый Б.Д. Греков очень веско доказал, что речь идет именно о волжских болгарях, а не о дунайских. Так он пишет: “...с достаточной убедительностью можно утверждать, что это были болгары камско-волжские, потому что в походе вместе с Владимиром участвуют торки, которых в это время нельзя представить себе живущими около Дуная. ...Наконец, невероятно, чтобы Владимир, будучи в это время врагом Византии, стал бы помогать ей против дунайских болгар”¹⁸.

Уже на следующий год, - а это подтверждается летописными источниками, - в Киев прибывают болгарские послы и купцы, которые, по мнению А.Х. Халикова, доставили в Киев княжескую невесту¹⁹. Подписывается обширный договор о торговле, и вскоре устанавливается сухопутный торговый путь Булгар–Киев²⁰. Немецкий историк Л. Мюллер убежден, что матерью Бориса и Глеба была волжская болгарка²¹. Смерть Владимира Святославича застаёт одного из них князем Муромским, другого – Ростовским, то есть в непосредственной близости от границ Волжской Булгарии. Являясь детьми двух народов, княжичи вполне могли быть направлены отцом в города, находящиеся на порубежье с родиной матери, что, как представляется, согласуется с нормами дипломатической практики той эпохи²².

Источники очень скупо сообщают о болгарской жене Андрея Боголюбского. В Тверской летописи читаем: “В лето 6683 месяца июня 29, в субботу на ночь, в праздник святых апостолов Петра и Павла, убиен быст благоверный великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский от своих бояр, от Кучковичев, по научению своеа ему княгини. Бе бо болгарка родом, и дрѣжаше к нему

злую мысль, иже князь великий много воева с ним Болгарскую землю, и сына посылал, и много зла учени Болгаром”²³.

Ю.В. Кривошеев в исследовании о гибели Андрея Боголюбского отмечает, что “жена болгарка выступает здесь, прежде всего как патриотка своей родины, мстительница за ее поругание (учинение “много зла”). Она – идейный вдохновитель заговора, ибо именно “по наущению” ее действуют Кучковичи”²⁴. Следовательно, у тверского летописца были определенные основания утверждать, что княгиня могла быть болгаркой. Но это единственное упоминание подобного рода. В некоторых других летописных источниках присутствует другое этническое название – “ясыня”. На одной из миниатюр Радзивиловской летописи среди убийц князя изображена женщина в головном уборе в виде тюрбана, что подчеркивает ее иноземное происхождение. Разве могла дочь боярина Кучки, которую считают первой женой Андрея Боголюбского, носить подобный головной убор?

Существует несколько точек зрения о количестве жен у Андрея Юрьевича. О.В. Яцкаер пишет, что он был женат два или три раза. Возможно, “одна жена была дочерью Степана Ивановича Кучки, другая – болгарка, третья – яска”²⁵. Ю.А. Лимонов пишет о двух женах: “дочери Кучки” и “яске”²⁶. По его мнению, вторая жена Андрея была уроженка либо половецких степей, либо Северного Кавказа. Жена Андрея, только не Кучковна, а “яска”, была участницей заговора и контактировала не только с Амбалом, своим земляком, но и с Кучковичами²⁷. Ф.И. Гримберг предполагает, “что Улита и жена “родом из яз” – одно и то же лицо; то есть у Андрея Юрьевича была одна венчанная жена”²⁸. Но это противоречит данным В.Н. Татищева, который в первой редакции второй части “Истории Российской” сообщает под 1164 г. о смерти супруги Андрея Юрьевича²⁹. Следовательно, князь женился еще раз.

Мы видим, что многие исследователи убеждены в том, что княгиня, участвовавшая в заговоре, была “яской”, а ясы русских летописей, по мнению большинства историков – это осетины. Так, например, О.В. Творогов, нисколько не сомневаясь, пишет, что участвовавшая в заговоре вторая жена Андрея была осетинка и что “неслучайно всесильный ключник Амбал, бывший осетином, тоже был исполнителем и участником заговора”³⁰.

Казалось бы, какое отношение это может иметь к нашей теме и русско-болгарским отношениям? Оказывается, самое непосредственное. Булгаровед Р.Х. Бариев приводит доказательства, что ясы русских летописей – это не осетины, которых в древности называли “овсами” и которых можно идентифицировать с аланами, а

не кто иные, как донские болгары³¹. “Глубокие традиции русской исторической науки, даже те, которые были созданы ошибочно, несмотря на факты, отраженные во многих источниках, не дают возможности современным авторам отказаться от отождествления алан и ясов (асов) и видеть в ясах (асах) болгар, которые заселили после распада Великой Болгарии весь бассейн реки Дон с Северным Донцом”³². Арабо-персидские авторы никогда не отождествляли ясов (асов) с аланами. В частности ал-Гарнати, рассказывая об дербентском эмире, отмечает, что “он говорил на разных языках, таких как лакзанский, и табаланский, ...и сарирский, и аланский, и асский [курсив мой. – И.Г.], ...и тюркский, и арабский, и персидский”³³. В комментарии переводчики ал-Гарнати на русский язык О.Г. Большаков и А.Л. Монгайт отмечают следующее: “На первый взгляд вызывает недоумение то, что ал-Гарнати наряду с аланским называет асский язык. Средневековые путешественники отождествляли алан с асами. Плано Карпини, Рубрук, Иосиф Барбаро знают о народе алан, которых именуют также “аас” или “ас”. Грузины называли алан “осами” или “овсами”, а русские – “яссами”. Однако весьма вероятно, что все же асы и аланы представляли разные племена”³⁴.

С.А. Плетнева, одна из ведущих специалистов по археологии кочевого мира, пишет, что “территорию распространения болгар нельзя ограничивать только степной полосой; по-видимому, они постоянно в большом количестве селились в плодородных долинах лесостепного Подонья”³⁵. Именно население Дона русские летописцы называют ясами. В бассейне Среднего Дона и Северского Донца расположены памятники лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, в том числе Маяцкий комплекс и комплекс памятников у с. Верхний Салтов, по которым культура получила свое название. По мнению исследователей, салтово-маяцкая культура делилась на два варианта: лесостепной – аланский и степной – болгарский. Для первого характерны земледельческий тип поселений, замки с белокаменными стенами, катакомбный обряд погребения, для второго – кочевья и ямные погребения. Степняки, осевшие на Нижнем Дону, умели сооружать и белокаменные замки. Жили они также и в больших городах, таких как Саркел, Таматарха, Фанагория. Оба варианта экономически развивались одинаково, и культура в целом была единой. Культуры, аналогичные салтово-маяцкой, известны в районах расселения аланов и древних болгар: в Восточном Крыму, на Средней Волге и на Нижнем Дунае³⁶.

В 1116 г. Владимир Мономах отправил своего сына Ярополка на Дон, который воевал здесь,

взял три города в области половецкой, пленил множество ясов, там обитавших. В их числе была “прекрасная девица, на коей он женился”³⁷. Таким образом, практика женитьбы на яских девушках была заложена еще дядей Андрея Боголюбского.

Р.Х. Бариев полагает, что название этноса ясы (асы) возникло следующим образом. Когда болгары с Нижней Волги и Дона встречались с русскими, последние спрашивали: “Кто вы такие?” На что первые отвечали: “Без ас кешелэре”, т.е. “Мы низовские люди”. Поэтому болгарское слово “ас” русские точно перевели на свой язык: “низовские”. Отсюда и летописные асы (ясы). А так как низовские и средневожские болгары в глазах русских были одним и тем же народом, что соответствовало действительности, то они иногда называли асами (ясами) и жителей Волжской Булгарии³⁸.

Получается, что ни тверской летописец, считавший жену Андрея Боголюбского болгаркой, ни другие, называвшие ее ясыней, не ошибались. Ясы – одно из названий болгар. Хотя в то время болгары и ощущали свое единство, они еще продолжали носить свои племенные наименования: нократ, сабокуляне, челматы, баранжары, ясы и т.д. Ключник Амбал, по всей видимости, прибыл во Владимиро-Суздальскую Русь вместе с женой Андрея, будучи ее слугой или приближенным. Имя Амбал, судя по надписям на надгробных памятниках акрополя г. Болгара, было довольно распространенным среди болгар³⁹.

Немало примеров, показывающих, что болгары также использовали брачные союзы как одно из основных подтверждений значимости заключаемого договора. Из записок Ахмеда ибн-Фадлана, посетившего в 922 г. Волжскую Булгарию в составе посольства халифа ал-Муктадира, мы узнаем, что болгарский царь Алмас был зятем гузского военачальника Этрека⁴⁰. Союзнические отношения были заключены также с какой-то группой мадьяр, проживавших где-то на территории Волго-Камского междуречья после того, как отсюда ушла основная орда угров-венгров⁴¹. Когда доминиканский монах Юлиан в поисках прародины венгров прибыл в один из болгарских городов, он встретил здесь венгерку, “которая выдана была замуж в те края из страны, которую он искал”⁴².

В 1950 г., в подгорной части города Болгара было обнаружено погребение знатной мордовки, совершенное по мордовскому обряду и сопровождавшееся мордовскими украшениями⁴³. Сразу ясно, что это была не простолюдинка и жила она в столице Волжской Булгарии, будучи замужем за знатным болгаринном. Это неопровержимо подтверждает существование союза болгар с определенной группой мордовских племен. Летописи рассказывают о борьбе русских князей с

мордовским инязором Пургасом, который был ротником (союзником) волжских болгар. Вполне возможно, что это могла быть его бабушка, тетя, сестра или дочь.

Изучение эпитафий надгробных памятников болгарских захоронений также дает важные сведения для выявления рассматриваемой проблемы. Так, надпись на одном из надгробий некрополя города Болгара удостоверяет, что под ним была погребена дочь Османа Булгарского и знатной марийки, госпожа Чекер⁴⁴.

Вывод из всего вышеизложенного следует однозначный: практика брачных союзов имела одно из ключевых значений во внешней политике не только Руси, но и Волжской Булгарии, на примере которых показана общая структура заключения договоров, используемая при заключении политических соглашений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ ПСРЛ Лаврентьевская летопись. – М., 1997. Т. I. Стб. 226; 282-283.
- ² Прозоровский М.Н. О родстве Святого Владимира по матери // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1864. Т. 5. Кн. 1. С. 22.
- ³ Шпилевский С.М. Древние города и другие татаро-булгарские памятники в Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. – Казань, 1877. С. 115.
- ⁴ Большая энциклопедия: <http://encycloped.narod.ru/BSE/BSencyclopedia.htm>.
- ⁵ Энциклопедия Брокгауза и Эфрона: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/210406>.
- ⁶ Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B0%D0%BA>.
- ⁷ См.: Сулейманов О. “Аз и Я”. Книга благонамеренного чтения. – Алма-Ата, 1975. С. 146.
- ⁸ Там же. С. 149.
- ⁹ См.: Тагин И.А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.). – Рязань, 2004. С. 47-50; 174-177.
- ¹⁰ См.: Тагин И.А. Нормы обычного права при заключении международных политических договоров в период раннего средневековья // Вестник Академии права и управления. – М., 2001. № 1. С. 51-55.
- ¹¹ Там же. С. 51.
- ¹² См.: Сказкин С.Д. История международных отношений и дипломатия в Средние века (стенограмма лекций). – М., 1945. С. 4-5.
- ¹³ См.: Князьский И.О. Русь и Степь // Российский научный фонд. – М., 1996. Т. 35. С. 55-58.
- ¹⁴ См.: Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X – XIII вв. // ОИ. 1994. № 6.
- ¹⁵ ПСРЛ. Ипатьевская летопись. – М., 1998. Т. II. Стб. 154, 216, 259, 417.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 84.
- ¹⁷ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. – СПб., 1794. Т. 1. С. 251.
- ¹⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953. Прим. 1. С. 471.
- ¹⁹ Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1996. С. 75.
- ²⁰ См.: Рыбаков Б.А. Путь из Болгара в Киев // Древности Восточной Европы. – М., 1969.

- ²¹ Членов А.М. Из истории ранних русско-булгарских политических связей // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. С. 69.
- ²² См.: Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии. С. 48.
- ²³ ПСРЛ. Тверская летопись. – М., 2000. Т. XV. Стб. 250–251.
- ²⁴ Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского. – СПб., 2003. С. 106.
- ²⁵ Яцхаер О.В. К вопросу о женах князя Андрея Боголюбского // Тезисы междунар. науч.-практической конференции “Россия, Восток и Запад: Традиции, взаимодействие, новации”. – Владимир, 1997. С. 46.
- ²⁶ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1987. С. 94–95.
- ²⁷ Там же. С. 95.
- ²⁸ Гримберг Ф.И. Две династии: Вольные исторические беседы. – М., 2000. С. 119.
- ²⁹ Татищев В.Н. История Российская. – М., 1964. Т. IV. С. 268.
- ³⁰ Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. – М., 1994. С. 32.
- ³¹ См.: Бариев Р.Х. Волжские Булгары: история и культура. – СПб., 2005. С. 117–148.
- ³² Там же. С. 123.
- ³³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу // Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М., 1971. С. 26.
- ³⁴ Там же. С. 92.
- ³⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. С. 64.
- ³⁶ См.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1958. Т. 62; Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань, 1957. С. 51.
- ³⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. В III кн. – М., 2002. Кн. I. Т. I-IV. С. 222.
- ³⁸ Бариев Р.Х. Указ. соч. С. 129.
- ³⁹ См.: Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Булгара. – Казань, 1987. С. 83–84.
- ⁴⁰ Ковалевский А.П. Посольство халифа к царю волжских булгар // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 204.
- ⁴¹ Иванов В.А. О западных пределах расселения древних тюрок // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. С. 115.
- ⁴² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров в XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторические архивы. 1940. №3. С. 81.
- ⁴³ Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. С. 68.
- ⁴⁴ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. – М., 1978. С. 94.

**RUS, BULGARIA AND POLOVTSIANS' STEPPE
(ON THE ROLE OF CONJUGAL UNIONS AT THE CONCLUSION
OF POLITICAL TREATIES DURING THE EARLY MIDDLE AGES)**

© 2009 I.A. Gagin

Academy of Federal Penal Service of the Russian Federation, Ryazan

The article deals with the important but poorly developed in the Russian historiography problem of the methods which Rus used when made treaties with her eastern neighbors, first of all, with Polovtsians and Volga Bulgars. It is shown that the most important method was a confirmation of friendly agreements by contracting marriages between elites of the parties. It is underlined that the marriage union was an integral component of rules of law of the early Middle Ages. The version is proved that the term “brak” (marriage) itself is borrowed from the Turkic language and that originally it meant a princely marriage to a Kipchak woman only.

Key words: marriage, matrimony, rule of law, Polovtians, Kipchaks, Volga Bulgars, Yassic people, Alans, Saltovo-Mayaki culture, epitaph.